

Когда закончил рыцарь свой рассказ,
И юные и старые средь нас
Одобрили все выдумку его
За благородство и за мастерство.
Рассказ его, мол, каждому занятен,
А особенно тем из нас, кто знатен.
Но тут трактирщик всех прервал божбой:
«Ах, черт! А ведь пошло! Очаг я свой
Разжег на славу! Вертел знай крути!
Теперь историей нас угости
Ты, сэр монах. Начни и тут же, разом,
Его ты переплюнь своим рассказом».
Но мельник яростно разбушевался,
Он пьян был вдрызг: как он в седле держался,
В толк не возьму. Да и вообще нахал
Он был, буян и шапки не ломал
Ни перед кем, а тут как разорался -
Без удержу клялся он и ругался.
«Мне слово дай, и слов я наскребу
И рыцарев рассказ перешибу.
Ты не гляди, что я мужлан негодный, -
Я вам припас рассказец благородный».
Трактирщик молвил, видя, что он пьян:
«Послушай, Робин, ты хоть и буян,
А все держись-ка, знаешь, поскромнее,
Не то получишь тумака по шее».
«А! В крест и в душу! – мельник завопил.
Ты хочешь, чтоб тебя я проучил?»
«Идет, рассказывай, будь ты неладен.
Ты думаешь, что мы с тобой не сладим?»
«Так слушайте же, – мельник заорал, -
Готов брехать, лишь бы монах не врал.